

СОВРЕМЕННАЯ АНТИЧНОСТЬ*А.О.Добролюбский***ОДЕССА: АРХЕОЛОГИЯ ИМЕНИ**

Ждет идея, как чистая дева,
Кто возложит невесте венец.
«Прячься», — робко ей шепчет мудрец.
А глупцы завывают от гнева.
Но безумец-жених к ней грядет
И в полночи, духом свободный,
Сочетанья их плод первородный
Человечеству счастье дает.

*Беранже. «Безумцы»***A.O.Dobroljubski. Odessa: Archaeology of Name**

The Article is dedicated to solution of the genuine meaning of the ancient name of Odessa. The author attempts to do it through a survey of the life circumstances of Iosif De-Ribas, Odessa's founder. His life and relations with the surrounding world of people are analysed from the view point of psychology described in "Theory of Games" by Eric Bern. The author was lucky to find evidence of the ritual and the place of Odessa's foundation (1794) during archaeological excavations in the historical center of the modern Odessa. Both the ritual and the genuine city's layout followed ancient models. De-Ribas lived in the epoch of classicism when ancient realities were models for imitation. The author assumes that De-Ribas associated himself with Odysseus, and like Alexander the Macedonian tended to found a town of his name. Like heroes of ancient culture, De-Ribas had countless feats (he used to win impossible battles), had Athena's protection (it was the Empress Catherine II herself), struggled with enemies, among which the most powerful one was Poseidon (prince Potemkin). Finally, the sense of Odessa's foundation, a city with such a name, consists in the fact that De-Ribas erected a monument to himself.

Методология «вчувствования»

Попытки разгадать подлинный смысл античного имени «Одесса» имеют историю, едва ли не равную по продолжительности истории самого города. Этот смысл не был ясен многим современникам основателя Одессы Иосифа де-Рибаса, он не был установлен и последующими историками Одессы. Версий создано немало, и среди них нет ни одной убедительной или, хотя бы, удовлетворительной.

Причин тому также немало — не сохранилось решительно никаких документальных источников, объясняющих имя Одессы. Очень неоднозначно и отношение последующей исторической традиции к самому де-Рибасу — оно колеблется в широком диапазоне от прямой апологетики этого человека вплоть до стремления полностью вычеркнуть его имя из истории. Не будем здесь «научно» оценивать эти попытки — их можно понять. Очевидное хитроумие де-Рибаса, его способность всегда «провести всякого», его склонность к тайне, игре, мистификациям, интригам, его удачливость, стремительная и «незаслуженная» карьера — все это, безусловно, не могло не раздражать

многих его современников и потомков. Как не могли не восхищать яркость и блеск его личности, его остроумие, образованность, благородство, отвага, решительность и целеустремленность. Впечатляют и его деяния — герой Хаджибея, Измаила, основатель Одессы — те яркие поступки и достижения, которые недоброжелатели де-Рибаса пытались и пытаются затушевать или же приписать другим лицам.

Загадку имени «Одесса» историки давно надеются решить, если будет обнаружен документ, об этом свидетельствующий. «Официального распоряжения собственно о переименовании Гаджибея в Одессу не отыскано, хотя вероятно оно и было», — писал К. Смольянинов в 1852 году (Смольянинов 1852: 352). Оно не отыскано до сих пор, и трудно ожидать, что это произойдет. Поэтому версий за истекшие с того времени полтора столетия о происхождении имени Одессы не слишком прибавилось. Эти версии хорошо известны (Горбатюк, Глазырин 1994: 22-26), их нет смысла здесь перечислять. Не вызывает, пожалуй, сомнений лишь изначальная античная подоснова этого

имени. В остальном — остается лишь продолжать строить догадки. А это — дело неверное.

Очередная попытка обратиться к этому «бородатому» вопросу может показаться несколько самонадеянной. И это было бы действительно так, если бы несколько лет назад не были случайно найдены археологические остатки ритуала основания Одессы Иосифом де-Рибасом. Эта находка — археологический «документ» с очень точной датировкой: 22 августа 1794 года (Губарь, Добролюбский 1996: 17). И поэтому его можно изучать археологическими приемами — с целью установления утраченного культурного смысла обряда.

Такое установление в археологии производится «герменевтическими» приемами, ибо герменевтика (*hermeneutikos* — *разъясняющий, истолковывающий*) — это «искусство интерпретации всех зафиксированных проявлений жизни». Или, точнее, — «искусство постижения чужой индивидуальности, вписанной в смысловое поле текста — как “второй”, “задний” план, как подтекст» (Кузнецов 1991: 3-11). Желание интерпретировать по-своему исторические события у нас всегда есть. Зыбкость и неопределенность этого (как, впрочем, и любого) «искусства» должны удерживать «серьезного ученого» от применения такого «научного инструментария». Но это же обстоятельство придает таким задачам особую интеллектуальную привлекательность.

Естественное желание понять потаенный смысл ритуала основания Одессы — личного поступка де-Рибаса, который, по моему убеждению, таит в себе «подтекст» — тайну ее имени — возникло у меня едва ли не в момент обнаружения его археологических остатков осенью 1995 года. Это желание сдерживали упомянутые сомнения. Все эти годы, не слишком убежденно, я делился этими сомнениями и ображениями с друзьями, близкими, коллегами, а также в публичных выступлениях. Общая положительная реакция «референтной группы» вернула мне некоторую уверенность и смелость, а заодно и желание довести дело до публикации. Я также уповаю и на свой многолетний опыт историко-археологического изучения обрядности. Ведь любой обряд — это всегда и «текст», и «подтекст».

Археологическая герменевтика, или искусство расшифровки археологических «текстов», исходит из простой истины: любой «археологический» факт удовлетворительно объясняется лишь в конкретном культурном контексте своего времени. Развитие же любой культуры есть определенное изменение во времени некоего «порогового смысла», которое направлено к «идеалу» — условной «цели» культуры. «Цель» культуры задается традицией, которая этим определяет смысл культуры и дает ему соответствующее имя. Имя — «видимая» для нас цель, зная его, мы получаем культурный

код к расшифровке заданных традицией культурных смыслов (см.: Ткачук 1996: 131-173). Разумеется, поиск этих смыслов возможен лишь в рамках соответствующей культурной традиции. В нашем случае, известно имя — «Одесса». И мы знаем культурную традицию, в лоне которой оно возникло, — классицизм XVIII века. Остается выяснить его смысл, который был задан «культурным героем» классицизма — Иосифом де-Рибасом.

При такой постановке вопроса археологическая проблематика смещается в область изучения «археологии личности» самого де-Рибаса. Это значит, что нам предстоит выяснить его жизненные идеалы и цели. Узнав их, мы сможем узнать и смысл совершенного им обряда.

Изучение «археологии личности» предусматривает «постижение чужой индивидуальности». Это — психологическая герменевтика, определяемая также как методология «вчувствования» (*выражение бл. Августина*) (Кузнецов 1991: 15-24). Принципы такой «методологии» и ее научный инструментарий разработаны американским психологом Эриком Берном, который составил типологию человеческих судеб и взаимоотношений (Берн 1992). Развитие любой личности (*как и культуры* — А. Д.) также изменяется во времени по установленному «сценарию» («смыслу») и также задается «родительской средой» («традицией»). Сценарий направлен на достижение жизненных целей и идеалов. Существуют три основных типа жизненных сценариев — «победителя», «непобедителя» и «неудачника», которые программируют все жизненное поведение (Берн 1992: 285 слл.). «Победителем», с этой точки зрения, может считаться человек, который решил достичь в своей жизни определенной цели (идеала) и, в конечном счете, добился всего.

Другой стороной концепции Э. Берна является «теория игр», которая дает надежный герменевтический инструмент для изучения подтекстов человеческих взаимоотношений. Эта теория хорошо согласуется с вполне «респектабельной» концепцией Й. Хейзинги о сущности игры как источника культуры (Хейзинга 1992). Изучение поведения исторических персонажей с позиций «игрового подхода» позволяет увидеть «археологию» их взаимоотношений. Например, очевидно, что Екатерина постоянно играла в игру «А ну-ка, подеритесь», которая определила, пожалуй, едва ли не весь ход русско-турецкой войны 1787-1791 гг.

Сказанное дает нам основания для «археологической» реконструкции любых типов личности — достаточно установить «родительскую среду» (традицию) и «сценарий» (смысл), чтобы понять заданную цель (идеал). А также и «рецепты» для понимания характеров «игроков». Остается попытаться рассмотреть с этой точки жизнь Иосифа де-Рибаса и попытаться применить упомянутую методологию «вчувство-

вания». Ключ к смыслу обряда основания Одессы нужно искать в области жизненного «сценария» де-Рибаса («сценария на всю жизнь») (Берн 1992: 175-177). И рассмотреть с этой точки зрения его биографию. Кажется очевидным, что по своим психологическим установкам де-Рибас — несомненный «победитель».

Поэтому изучение судьбы Иосифа де-Рибаса должно быть направлено на выяснение мотивов его поведения, конкретных поступков и определенных ими событий. Логика психологического «постижения» в этом смысле глубоко «археологична» — она предполагает вос-

создание событий по неявным, «подтекстовым» признакам. Это реконструкция по оттенкам. Оговорим лишь: при рассмотрении типов поведения основных персонажей этого очерка используется «сценарно-игровая» терминология, которая обрамлена античными «одеждами» (Кнабе 1993: 323-342).

Остается надеяться, что предлагаемый путь к воссозданию смысла имени «Одесса» позволит хоть отчасти компенсировать как недостаток конкретных документальных сведений о де-Рибасе, так и искаженность восприятия нашего «культурного героя» последующей исторической традицией.

Ритуал и место основания Одессы

Обнаружение археологических остатков ритуала основания Одессы произошло при окончании раскопок на углу нынешних Ланжероновской и Ришельевской улиц. Эти раскопки мы задумали и осуществили с писателем и краеведом Олегом Губарем осенью 1995 года. Нам тогда хотелось узнать, что может получиться, если покопаться в мусорных ямах знаменитой ресторации Отона, прославленной великим Пушкиным. Хотя научное обоснование таких работ могло бы показаться сомнительным, нам все же удалось убедить городские власти дать на них разрешение. И, с некоторым недоумением, власти нам позволили на время разнообразить хрестоматийный городской пейзаж близ Оперного театра пыльным котлованом, окруженным кучами земли и старого строительного мусора.

Находка была совершенно неожиданной и произвела на нас очень сильное впечатление. На дне упомянутого котлована, при зачистке фундамента первого одесского дома — князя Григория Волконского, в заполнении первой траншеи Одессы, непосредственно на кирпичном фундаменте мы нашли обломки хрустальных **бокалов** и **подноса**, бутылочные осколки с пробкой, **монету** — «**пятак**» 1784 г. с вензелем императрицы Екатерины и российским двуглавым орлом, а также проржавевший **кинжал**, от которого сохранилась лишь рукоять и прилегающая к ней часть лезвия. Бокалы частично «восстанавливались» из собранных осколков — они имели формы, близкие к современным фужерам. Археологически очевидно, что бокалы были разбиты об кирпичный фундамент в открытой траншее — затем эта траншея была засыпана. Екатерининский «пятак», аккуратно положенный гербом вверх, ясно датировал время этого возлияния, т. е. *terminum post quem* (временной рубеж, позднее которого произошло событие) — после 1784 г., года чеканки монеты (Губарь, Добролюбовский 1996: 17).

Мы оказались тогда на том самом месте, где ровно 201 год и два месяца тому назад, у открытой траншеи, из этих бокалов выпили

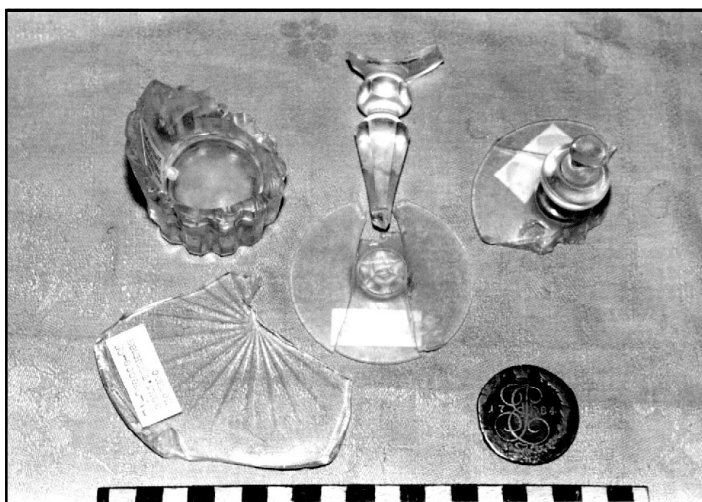
именно вице-адмирал Иосиф де-Рибас со своим другом, генерал-поручиком Григорием Волконским. И сделали это в день основания Одессы, 22 августа 1794 г. А перед нами — археологические следы первого празднования Дня ее рождения.

Установлено, что 19 августа де-Рибас, начальник Экспедиции строительства города и порта, вручил Волконскому «Открытый лист №1» — право на владение участком, который мы раскапывали (Смольянинов 1852: 330). Значит, через три дня, 22 августа, они торжественно выпили у закладной траншеи и, в знак зачатия и на грядущее счастье будущего города, разбили свои бокалы об кирпичный фундамент «дома №1» — дома Волконского, который, как известно, находился на углу нынешних Ланжероновской и Ришельевской улиц. Таким образом, мы чудом нашли археологические остатки этого возлияния, обозначающего место основания Одессы — и они выставлены сейчас в экспозиции Одесского историко-краеведческого музея (*рис. 1*).

Разбитые бокалы — типичные кубки в терминологии того времени — были роскошны и распространены в обиходе российской знати второй половины XVIII века. Они крайне редки в Причерноморье. Типологически такие кубки (бокалы) представлены в собраниях Исторического музея в Москве, Эрмитажа, крупнейшем собрании русского стекла Е. и Ф. Лемкуль и др. (Губарь, Добролюбовский 1996: 17). Бокалы нашим вельможам были поданы, видимо, кем-то из присутствовавших на хрустальном подносе, который вслед за этим также был разбит о каменную отмокту в открытой траншее. Мог ли этот поднос держать в руках Франц де-Волан?

Предлагаемая реконструкция обрядовых действий участников основания Одессы 22 августа 1794 года по археологическим наблюдениям кажется наиболее вероятной. Мы столкнулись с достаточно привычным ритуалом возлияния при закладке дома. Такой обряд прослеживается со времен седой античности и был широко распространен в эпоху классицизма.

Рис. 1. Археологические остатки ритуала основания Одессы.



Особенно стойким он был в среде российской военной знати — об этом однозначно свидетельствует вся литература эпохи. Поэтому неудивительно, что участники обряда в конце XVIII века ведут себя как античные «культурные герои» (Кнабе 1993: 343-364).

Даже беглое рассмотрение античной обрядовой традиции показывает, что монета в основании постройки — это лишь символ благополучия дома. Однако изначальный античный сакральный смысл этого символа в ментальности классицизма меняется — монеты закладывались под памятник. В европейской и российской культурной традиции второй половины XVIII — начала XIX вв. это наблюдается почти повсеместно. Под памятники выдающимся «культурным героям» эпохи классицизма очень часто закладывались монеты. Дабы не обращаться к петербургским примерам («Медный всадник», памятник А. В. Суворову на Марсовом поле и пр.), приведем здесь одесский. «В 1827 году, 30 июля, произведена была закладка подножия памятника Дюку де-Ришелье», — пишет К. Смольянинов в «Истории Одессы». — «По совершении молебствования и освящении места, в углублении самого большого камня, составляющего фундамент памятника, положены были различные медали и монеты, принадлежащие к царствованиям Людовика XVI, Екатерины II, Павла I, Александра I, Людовика XVIII, которым Ришелье имел счастье служить. К сим памятникам присовокуплена была медаль Государя Императора Николая Павловича, несколько серебряных монет 1827 года

и бронзовый медальон с изображением покойного Дюка, выбитый по случаю смерти его в Париже в 1822 году» (Смольянинов 1852: 405). О выраженном античном облике Дюка — памятника Ришелье здесь нет нужды напоминать.

Итак, мы нашли место закладки не просто дома, а Города. Что же мог иметь в виду Иосиф де-Рибас, закладывая в основание будущего Города монету с вензелем своей государыни-императрицы? Уж не памятник ли самому себе?

Как бы там ни было, ясно, монета и кинжал, освященные ритуальным возлиянием в момент рождения Города, означали для де-Рибаса нечто очень личное и существенное. В этих символах явно содержался особый, известный только ему **смысл**. А это значит, что, обнаружив их археологические остатки, мы, образно выражаясь, невольно коснулись тайны рождения Одессы, тайны ее происхождения и имени, которую нам оставил ее основатель.

Что же это за тайны? Напомню, что, несмотря на двухвековые усилия историков, по-прежнему остаются совершенно неясными два обстоятельства: зачем де-Рибас столь упорно добивался, чтобы город был основан именно на этом месте, несмотря на жесточайшее противодействие влиятельных противников. И почему город был впоследствии назван именно Одессой — тайно, без всякого указа, задним числом? Почему это было для него так важно? Попытаемся установить **смысл** этого поступка, венчающего успешное осуществление некоего замысла.

Подражание древним — «сценарий на всю жизнь»

Методология «вчувствования» в эпоху классицизма довольно проста. Все «значимые» поступки людей во второй половине XVIII века определялись духом и соответствующей модой на античность. Это была не просто античная «вуаль» — античность была как бы реальностью.

Девиз классицизма сформулировал Иоганн Винкельман: «Единственный способ для нас быть великими, если возможно, неподражаемыми — это подражание древним». Действительно, глубинная «античная» ментальность тогдашней европейской культуры, омываемой

«Гольфстримом античности» и организующей весь строй своей жизни по античным образцам, кажется очевидной (Кнабе 1993: 171-180).

Общая ментально-культурная атмосфера классицизма неминуемо обрамляла «античной мотивацией» поступки всех людей этой эпохи. Это значит, что ключ к тайным смыслам обряда, совершенного 22 августа 1794 года Иосифом де-Рибасом, лежит в его конкретных тогдашних побуждениях. Они были определены типом его личности, судьбы, его «идеалом» — и как «культурного героя античности» и, одновременно, «героя своего времени» (Кнабе 1993: 182-198).

Биографы де-Рибаса этого обстоятельства, как будто, специально не подчеркивали. Исторический очерк о нем помещен в «Словаре достопамятных людей Русской земли» Н. Бантыш-Каменского (т. 4, с. 308-314) и эти сведения неоднократно воспроизводились. Известно, что де-Рибас был сыном чиновника, служившего в Неаполитанском военном министерстве. Принято считать, что дон Хосе (Иосиф) де-Рибас-и-Бойонс родился в Неаполе 6 июня 1749 г. Эта дата надежно не документирована — однако она вошла в большинство справочных пособий и литературу. По другим данным, как будто бы сохранившихся в записках его брата Феликса, Хосе появился на свет 13 октября 1751 г. Вопрос этот туманен и для наших целей не столь существен.

Как бы там ни было, детство и первые юношеские годы донна Иосифа приходятся на 1750-е — начало 1760-х гг. Об этом периоде его жизни — периоде, когда формируются все стержневые качества личности человека — мы знаем крайне мало. Поэтому обстановка, в которой рос и воспитывался молодой человек, воссоздается лишь в общих чертах.

А они вот каковы. Известно, что рубеж 50-60-х гг. XVIII в. — это начало эпохи европейского классицизма — подражающей античности фазе европейской культуры и ментальности. Античная ментальность во второй половине этого столетия заразила все европейское общество. Истоки этого процесса — именно в Неаполе, а точнее — в Геркулануме и Помпеях. Раскопки Геркуланума велись в 1733-1766 гг.; с 1748 года, незадолго до рождения донна Иосифа, начались раскопки в Помпеях. Эти раскопки ознаменовали встречу европейцев с непосредственным и бытовым миром древности. Извлеченные в результате их античные шедевры вызвали настоящий «бум» античной культуры в Европе. Иоганн Винкельман в своем труде «История искусства древности» первым применил для изучения античных памятников едва ли не всю греческую мифологию. Его образные и яркие выводы произвели огромное впечатление, вызвали горячее сочувствие античным идеалам. Все поколение Иосифа де-Рибаса воспитывалось на античных образцах, на «Или-

аде» и «Одиссее». Сам же молодой де-Рибас воспитывался в «эпицентре» начавшегося бума античной культуры, в королевском дворце Неаполя, где прежде всего скапливались богатейшие помпеянские и геркуланумские коллекции. Это естественно — ведь семья де-Рибасов жила при дворе. В залах дворца, среди многочисленных античных сокровищ, мальчик провел все свое детство. И, если справедливы утверждения романистов и биографов, то можно судить и о типе его личности — «мальчик отличался от своих сверстников чересчур живым воображением, ясным умом, страстностью натуры и нетерпеливостью характера» — это отмечали все его гувернеры, объясняя шотландско-испанским темпераментом (Феденев 1993: 57 сл.).

Органичная классическая образованность молодого де-Рибаса очевидна — она была настолько глубока, что позволила ему впоследствии быть равным собеседником самых блестящих умов его времени — Ивана Бецкого, Дени Дидро, да и самой Екатерины. Де-Рибас хорошо владел семью языками (Горбатов, Глазырин 1994: 39).

Показательным для выяснения сценарно-мифологической ориентации де-Рибаса является использование им в своей переписке терминологической «номенклатуры» античных богов и героев. Даже беглый ее просмотр свидетельствует, что он отдает предпочтение Одиссею и мечтает быть Александром Великим. Иными словами, это — сценарий «победителя» Одиссея с идеалом Александра (Де-Рибас 1872: 230-238; Де-Рибас 1879: 378-436; Феденев 1993: 68-214; Шахермайер 1984: 364-366).

Тип сценария «победителя» Одиссея, в терминологии Э. Берна, может звучать как «перед тем, как...». Это значит — для того, чтобы вернуться на родину с победой, Одиссею необходимо было выполнить множество условий-испытаний. Девиз этого сценария формулируется как «бороться и искать, найти и не сдаваться» — он может означать и постоянное стремление к риску и подвигу. Такой девиз подошел бы и самому Александру Македонскому.

В представлениях античности и в терминологии Аристотеля и Александра такое качество личности именуется «**потосом**» (букв.: «влечение», «побуждение») — это стремление к подвигу, присущее истинным героям, которое влечет их к «**аретэ**» (букв.: «доблесть», «добродетель»). «**Аретэ**» при этом понимается как присущее героям чувство долга, более важное для них, чем знатность происхождения или богатство (Шахермайер 1984: 364-365). Этически это — высшая доблесть. Такие особые качества обеспечивают способность личности превращать некую умозрительную и крайне малую вероятность в свершившийся факт, в «объективную реальность». В терминах современной

биоэнергетической теории все сказанное именуется «пассионарностью» (Гумилев 1990: 258-298) и измеряется «пассионарным напряжением».

Души «пассионариев» XVIII в. были органично пропитаны античным «субстратом», они искренне себя ощущали античными героями, им подражали, называли себя античными именами. Литературных примеров тому не счесть. И если в письмах зрелого де-Рибаса содержатся «комплиментарные» оценки Одиссея, то ничто не мешает полагать: ориентация именно на этого героя определила контуры всей его судьбы.

Такое предположение герменевтически обосновывается типом личности де-Рибаса. Если попытаться обобщить впечатления о нем современников, то это был одновременно необычайно умный, хитрый, ловкий, осторожный, крайне обаятельный человек, блестящий мастер интриги. Эти качества в нем удивительным образом сочетались с исключительной отвагой, бесстрашием и благородством, личным физическим мужеством. Известно также, что в культурной античной ментальности Одиссей-Улисс — это литературно-мифологический эталон «многоумия» — хитрости, ловкости, смелости (Тахо-Годи 1969: 220-228). Типологичес-

кое сходство характеров Одиссея и де-Рибаса, пожалуй, кажется очевидным. Обладая такими качествами, де-Рибас, безусловно, был человеком, способным творчески применять «сценарную методику Одиссея» при любых жизненных обстоятельствах. Как и Одиссей, «возбуждающий боевой пыл воинов», он обладал высокой «пассионарной индукцией» (Гумилев 1990: 276-280).

При сравнительном рассмотрении семантического параллелизма судеб де-Рибаса и Одиссея нас интересует «тип поведения» (*выражение Ю. М. Лотмана*) (Лотман 1988: 158-204), а потому и не слишком смущают документальные лакуны. Поступки де-Рибаса типологически соответствуют жизненным установкам Одиссея-«победителя» и соответствующему «сценарию на всю жизнь». Для его осуществления необходимо проходить через «пороговые» подвиги-испытания, которые, в случае успеха, должны быть вознаграждены. Награда («выигрыш» в терминологии Берна) в таком случае побуждает к следующему подвигу-испытанию. Таким образом, перед нами типичная жизненная «игра», которая обладает ее основными характеристиками — скрытыми мотивами и наличием (возможностью) выигрыша (Берн 1992: 37-38).

Любовь Афины и мальтийский талисман

В 1769 году молодой де-Рибас покидает Неаполь, поступает на русскую службу и отправляется на бесконечную войну с Турцией-Азией — за «свободу Эллады». Он покидает родину из-за вендетты — так и Одиссей оставил Итаку не по своей воле. Этот «знаковый» поступок определил ориентацию на судьбу Одиссея — вынужденного «странника», скитальца на чужбине, мечтающего вернуться «домой».

С этого момента вступает в игру «сила вещей» (*выражение А. С. Пушкина*) (по: 14:124-150).

В Ливорно де-Рибас почувствовал «ветерок судьбы» (*выражение Р. К. Феденева*) (Феденев 1993: 11) и отдался ему полностью. Качества Одиссея спасают его через год при Чесме — как командир зажигательного брандера он должен был проникнуть в сердце турецкого флота («метод Троянского коня»). Де-Рибас фактически был обречен на смерть (как и Одиссей, проникнувший в Трои, был узан Гекабой). Оставшись в живых, де-Рибас заслуживает особое доверие «богов» своего «Олимпа».

Ему тайно поручается «дело Таракановой» — и она хитростью заманивается на флагманский корабль. Видимо, это была первая очень серьезная услуга, оказанная императрице (Феденев 1993: 142-160) (как и Одиссей с Диомедом тайно похищают из Трои Палладий Афины, чем спасают ее честь). «Выигрыши» и Одиссея, и де-Рибаса в обоих случаях были очень

велики — обретение высочайшего покровительства, которое обеспечивает дальнейший жизненный успех. «Интеллектуальный героизм» Одиссея находится под неусыпным покровительством Афины (Тахо-Годи 1969: 224).

Этот тип «интеллектуального героя» де-Рибаса высоко оценила императрица и начала ему особо покровительствовать. «Выигрыш» от истории с похищением Таракановой оказался очень перспективным для «победителя» и определил дальнейшее направление его карьеры. Де-Рибас становится воспитателем Алеши Бобринского — сына Екатерины от Григория Орлова. Императрица его женит на дочери своего любимца И. И. Бецкого — Анастасии Соколовой — и селит прямо во дворце (по слухам, Бецкой был чуть ли не возможным отцом самой Екатерины?) (Феденев 1993). За неполных три года он из капитана становится полковником. «Ее Величество оказывает Рибасу всевозможные милости, — пишет маркиз де Жуиньи графу де Вержен 25 июня 1776 года. — Она желала бы даже дать ему знаки отличия, но вместе с тем желала бы, из-за общественного мнения, иметь причины, которые оправдывали бы ее особые милости» (цит. по: Горбатюк, Глазырин 1994: 83-84). Де-Рибас становится для Екатерины-Афины «своим» Одиссеем. Как будто примерно на это же время приходится начало их романа

(Горбатюк, Глазырин 1994: 82-84).

В связи с этим уместно вспомнить, что имени Афина после спасения ее Палладия стала особо покровительствовать Одиссею (Тахо-Годи 1969: 222). Поэт-мифолог Роберт Грейвс специально подчеркивает их интимные, едва ли не любовные отношения. При этом она сознательно подвергает его мужество все новым и новым испытаниям, однако неизменно и выручает его в самых безнадежных ситуациях (Грейвс 1992: 531-547).

Сопоставление очевидно «порочной» Екатерины с Афиной-Палладой (Девой) современному «мифологически образованному» человеку может показаться почти кощунственным. Между тем ее прямое отождествление с Афиной-Минервой воспринималось современниками совершенно естественно. Эпоха в этом открыто сознается. Так, в 1791 году поэт Державин в «Оде...» на смерть князя Потемкина писал, как нечто само собой разумеющееся:

«Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был...»

Ясно, что де-Рибас-Одиссей вполне мог считать Екатерину своей Афиной. Сам факт их романа весьма вероятно по уже упоминавшейся «силе вещей» и хорошо объясняет все последующие «игры» партнеров. Этот роман прослеживается по своим последствиям и обеспечивает де-Рибасу очередные «выигрыши» и «награды». Императрица в 1777 году тайно «дарит» ему сына — Иосифа Сабира (перевертыш «Рибас-Сабир»). Следующий подарок своему «кавалеру» она делает в 1778 году — орден Св. Иоанна Иерусалимского — высшую награду Мальтийского ордена (см. подробности: Горбатюк, Глазырин 1994: 81-86). Большой

милости императрица тогда де-Рибасу оказать просто не могла, поскольку «настоящие», военные ордена можно было получить только на войне (Кузнецов 1985: 11-26). Этот орден — безусловный подарок «настоящему кавалеру» в благодарность за Сабира — в оценке «де-Рибаса-победителя» обладал высшей ценностью и мог бы стать окончательным смыслом его жизни — если бы де-Рибас не был Одиссеем. Известно, что, несмотря на «комфортное» положение при дворе, он томится в Петербурге от «невостребованности» (Феденев 1993: 238-272). И потому ищет новые испытания на пути к подлинно высшей цели и, как Одиссей, отправляется в «странствия».

Награждение де-Рибаса командорским крестом древнейшего в Европе Мальтийского ордена может означать и то, что императрица разглядела в нем истинные рыцарские черты характера, оценила и задала соответствующие рыцарские мотивацию поступков и «тип поведения». Де-Рибас обречен в дальнейшем играть с императрицей в игру «Кавалер» (Берн 1992: 142-144).

Можно видеть, что Екатерина, как и Афина в случае с Одиссеем, отправляет де-Рибаса на очередные испытания. И он в 1784 году отправляется в десятилетние «странствия» — на юг, в действующую армию. Мальтийский крест, как мы увидим, окажется в них надежным оберегом.

Таким образом, тип личности де-Рибаса-Одиссея — «странника», «рыцаря» с пассионарной установкой Александра Великого — определил его «сценарную мечту» — основание «своей Александрии». Эта мечта и обусловила последующую «игровую» типологию его поведения, приведшую к основанию Одессы.

Во власти Светлейшего Посейдона, или «А ну-ка подеритесь»

Екатерина отправила де-Рибаса в распоряжение Потемкина, который, по словам Байрона, был

«...муж великий в те года,
когда величие убийством и развратом
Стяжалось. Если честь нам титул и звезда
Дают, — он славен был и был вдвойне богатым.
Сажены рост его доставил без труда
Ему внимание царицы...»

(Дон Жуан, песнь 7, 37).

Можно видеть, что этим императрица совершает один из «маневров» своей «ритуальной» женской игры: «А ну-ка, подеритесь (АНКП)». Такие игры относятся к категории сексуальных (Берн 1992: 103-108), в их основе всегда лежит женская психология. Отношения де-Рибаса с Потемкиным были с самого начала определены этим «маневром» императрицы. Его основное, «честное» правило — женщина ловко сталкивает двух симпатизирующих ей мужчин, давая понять или даже пообещав, что будет принадлежать победителю. По окончании «сраже-

ния» она выполняет свое обещание. Предполагается, что отныне дама и ее партнер «будут жить долго и счастливо». Впрочем, эта игра предполагает и женское коварство в самом широком диапазоне (напр.: «изменить» обоим сражающимся с третьим «игроком» и т. п.).

Для Афины это — самое обычное поведение. Однако известно, что по отношению к Одиссею она вела себя честно. И выручала всегда (Тахо-Годи 1969: 223-225). Точно так же поступала Екатерина с де-Рибасом, который при этом играл в свою «игру». Все десятилетие 1784-94 гг., предшествующее основанию Одессы, для де-Рибаса в «лучшем мужском» возрасте «акме» оказалось периодом «странствий» — это серия подвигов, акций личного мужества и бесстрашия, нарастающих как по своей значимости, так и по получаемым наградам. Тогда и сформировалась окончательно репутация де-Рибаса у его недоброжелателей как «человека необычайно ловкого, о котором говорили,

что он может провести всякого. Но в отваге и решительности ему никак нельзя было отказать». В терминах личного идеала античности «игра» де-Рибаса — это попытка пройти путь Александра Великого методами Одиссея.

Итак, в начале 1784 года де-Рибас попадает в подчинение «великолепному князю Тавриды» Г. А. Потемкину. Современники единодушно отмечают, что основным внешним поведенческим признаком князя было то, что он всегда мрачно грыз ногти — в процессе едва ли не любого общения (Феденев 1993: 161-215). Светлейший князь в антично-мифологическом мышлении остроумного де-Рибаса более всего мог напоминать Посейдона — главного гонителя Одиссея, после того, как последний не слишком уважительно обошелся с его сыном Полифемом. Отвратительный характер Посейдона хорошо известен — своенравный, капризный, угрюмый, сварливый, склонный к обжорству тип, коварный, злобный и мстительный (Тахо-Годи 1969: 143-144). В дальнейших событиях, как мы увидим, оба «игрока» постоянно используют соответствующие методы, извлекаемые из собственного «сценарного аппарата». Каждый — из своего.

По тезаурусу игр, составленному Э. Берном, отношения, в которые своей игрой (АНКП) Екатерина поставила Потемкина с де-Рибасом, типологизируются как «Полицейские и Воры» (Пив). «Вор» (де-Рибас) ненавидит «Полицейского» (Потемкина), а потому от умения его перехитрить получает не меньше удовольствия, чем от полученной «добычи». Потемкин вынужден вести себя по сценарию «Ну, что, попался, негодяй!», а де-Рибас, со своей стороны, играет по гибким правилам «Как отсюда выбраться?», творчески сочетая их с вариантами игры «Давай надуем Джо!» (Берн 1992: 53-146).

Попытаемся «вчувствоваться» в их отношения. «Игровая эпопея» началась с того, что де-Рибас подает Потемкину свой, составленный им еще в Петербурге, проект реорганизации русского флота. Известно, что в ответ Его Светлость ставит де-Рибаса «на место» и отправляет служить не во флот, а в кавалерию — командиром Мариупольского полка. Видимо, это было первым унижением, первой обидой де-Рибаса на князя, которые со временем проявились в их разговоре об Оське (Иосифе) Сабире (см. ниже). Видимо, де-Рибас не вполне понимал, чем он, собственно, хуже Потемкина, которому вынужден подчиняться. Он, в душе, считал себя выше князя, поскольку обладал выраженным «потосом», который побуждал его стремиться к «аретэ», а также «рыцарским» благородством. Таких качеств у Потемкина, безусловно, не было. Напротив, в представлениях античной ментальности Потемкин был типичным автократом, причем с явно выраженным **«гибрисом»** (букв.: «дерзость», «наглость», «высокомерие»). Гибрис присущ че-

ловеку, возмнившему себя равным богам (Шахермайер 1984: 364). О таком гибрисе писал, например, Ф. Шиллер в «Кольце Поликрата». И действительно, полководческими талантами князь не отличался — это было общеизвестно, хотя амбиции его были очень велики. Со своей стороны, князь вполне мог видеть в де-Рибасе потенциального соперника — трудно себе представить, чтобы он не знал ничего о карьере этого «выскочки» при дворе. Поэтому его нужно унижить, если не уничтожить.

Мы не найдем в письмах де-Рибаса прямых недоброжелательных отзывов о князе Таврическом. Думается, что «археологию» отношения мальтийского «рыцаря», героя Чесмы, с присущим ему «аретэ» и, одновременно, любимца Екатерины — к *«сыну Ночи»*, трусливому, желчному, завистливому автократу Потемкину (*«...ведь княжых подвигов День не видал вовеки»*), точнее всего выразил Байрон в приведенных строках из «Дон-Жуана» (**песнь 7, 37, 41**) (2). Таковым было общественное мнение эпохи. К слову, медицинское заключение после вскрытия тела князя, подтвердило его исключительную желчность (см. ниже).

К началу очередной русско-турецкой войны, в 1787 году, Потемкин берет «рыцаря» де-Рибаса к себе в услужение, на лакейскую должность — дежурным генералом при своем штабе. «Мальтийский командор» вынужден терпеть это оскорбление все десять месяцев бездарной очаковской осады. Он был не одинок в своем унижении.

Не менее оскорбленными Светлейшим, но по-иному, могли чувствовать себя и черноморские казаки во главе со своими старшинами — Антоном Головатым и Захаром Чепегой. Известно, что после разгрома Новой Сечи в 1775 году — острое, сильное и все еще достаточно свежее унижение — они образовали «личную гвардию» Потемкина и также вынуждены были ему служить. Не менее известно, что казаки неоднократно на протяжении 1788 г. настаивали на немедленном штурме Очакова, чтобы показать русским, как нужно воевать по-настоящему (Скальковський 1994: 573-574). Они были очень «пассионарны». Сближение униженных казаков с униженным де-Рибасом было совершенно естественным: у них был общий враг — Потемкин. Ясно, что они роптали и тоже размышляли, как бы поудачнее сыграть в игру «Давай надуем Джо!» (3:118-119).

Надо думать, этот ропот Потемкину надоел, и он решил проучить Головатого, используя любимый педагогический прием Посейдона — загнать в смертельную ловушку, из которой выбраться невозможно (Тахо-Годи 1969: 144). Поэтому он в ноябре 1788 г. посылает его отряд на верную смерть: взять штурмом турецкую крепость на острове Березань. Без всякой поддержки. Его Сиятельству не было жаль амбициозных и пассионарных казаков.

Как известно, отряд Головатого 4 ноября высадился на острове, но, встреченный картечью с крепостных стен, оказался в уготовленной Потемкиным ловушке — турецкий флот уже возвращался к Березани. Русский же флот бездействовал — приказа помочь казакам не было. Один лишь генерал Иосиф де-Рибас по своей инициативе на двух канонерских лодках прорвался к острову. Это позволило казакам взять крепость и вернуться под Очаков, который был ими же захвачен через месяц (Скальковский 1994: 574-576).

Этот «знаковый» эпизод, обеспечивший дальнейшую тесную боевую дружбу де-Рибаса с черноморцами, которая продолжалась до самого окончания войны в 1791 г., находит надежное герменевтическое объяснение. Оно требует некоторого отвлечения.

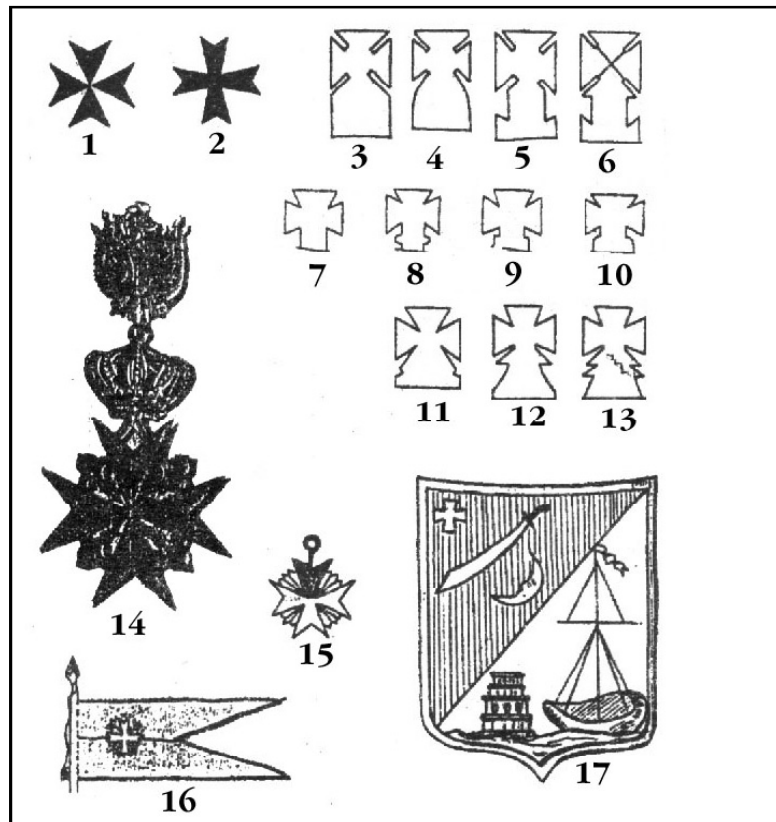
Пассионарные казаки-черноморцы считали себя «мальтийскими рыцарями». Это, в частности, подтверждается множеством крестовидных каменных надгробий на их кладбищах, сходных с геральдическими мальтийскими знаками (Добролюбский, Добролюбская 1997: 28-29). Хронологически они появляются не ранее 1780-х гг., что соответствует времени образования Черноморского казачьего войска после уничтожения Новой Сечи в 1775 г. (рис. 2).

«Рыцарская» ментальность запорожского казачества давно отмечена историками (напр.: Скальковский 1994: 219-224). Она приобрела конкретный «мальтийский» характер в процессе постоянной борьбы с турками

на стороне Мальтийского ордена. Это прослеживается в источниках еще с XVI в. Казаки считали себя «мальтийцами», независимо от того, кем они были на самом деле. Важно не то, кем они **были**, а то, кем они себя **считали**. Это определяло стереотипы поведения казачества, принципы их «рыцарской» организации, которая была сохранена в отрядах черноморцев, служивших России. Мы знаем, что крест, подобный мальтийскому, сохранялся на знамени Черноморского казачьего войска вплоть до 1803 г. Известно также, что Павел I после избрания его Великим магистром Мальтийского ордена учредил «донат» — знак этого ордена. Эта награда чрезвычайно высоко ценилась потомками черноморцев, проживавшими в южно-украинских селах. Донаты передавались из поколения в поколение и хранились под иконами в красном углу. Это обстоятельство способствовало широкому применению формы мальтийского креста для надгробий юга Украины и в XIX в. (Добролюбский, Добролюбская 1997: 32-33).

Де-Рибас был единственным из русских офицеров, грудь которого украшал «настоящий» командорский крест Мальтийского ордена. Естественно, что после того, как он спас жизнь отряду Головатого на Березани, казаки восприняли де-Рибаса как своего органичного вожак: он не был в их глазах каким-то русским генералом — он был неаполитанцем-«мальтийцем», настоящим рыцарем-командором, который доказал это делом. Иными словами,

Рис. 2. 1-2 — геральдические мальтийские кресты; 3-6 — типы крестов с пропилами по углам; 7-13 — типы крестов с уширенными пропилами; 14 — командорский крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский); 15 — знак Мальтийского ордена (донат); 16 — знамя Черноморского казачьего войска 1803 г.; 17 — герб Измаила.



для казаков он был «своим». В этих условиях они ему безоглядно и с удовольствием подчинились. К тому же у них оказался общий враг — Потемкин. Так подарок Екатерины обеспечил де-Рибасу верность черноморского казачьего войска. Видимо, он почувствовал себя более уверенно и позволил себе довольно рискованную светскую выходку в обращении с князем Таврическим.

Выходка эта мало известна. В начале 1789 года де-Рибас, как бы дружески конфиденциально, просит Потемкина принять на службу своего сына Иосифа Сабира. Де-Рибас ведет себя «по-приятельски», именуя его просто Оськой, который «имеет вкус к фо... (?) и он, по моему, похож на врача» (Де-Рибас 1879: 424). Потемкин, естественно, тоже «по-приятельски» интересуется — что это за сын, мол,

от кого? Де-Рибас, явно издеваясь над бывшим «главным» фаворитом, разыгрывает смущение и «выдавливает» из себя признание, что мать — сама императрица. И Потемкин, не справившись с собой от неожиданности, устраивает де-Рибасу громкий скандал.

Так этот эпизод выглядит в изложении С. Положенского (цит. по: Горбатюк, Глазырин 1994: 84-85). Такая игра называется «Дурачок», она требует от исполнителя немалого актерского таланта (Берн 1992: 136-138). Ясно, что де-Рибас им обладал — и ему блестяще удалось унижить своего соперника. Разумеется, оба «игрока» сделали вид, что ничего не произошло. Но **Такое** не прощают. Видимо, с этого момента Потемкин решается угробить де-Рибаса и начинает искать для этого любую возможность.

Метод «Сциллы и Харибды» под Хаджибеем

Коварный Посейдон, как известно, желая отомстить Одиссею, заманил его в ловушку между Сциллой и Харибдой. Потемкин поступил точно по такому же рецепту. И де-Рибас со своими «спутниками» — черноморскими казаками Головатого и Чепеги (бывшей «гвардией» князя) отправляется «в ссылку» — в деревню Тузлы, к генералу И. В. Гудовичу, который командовал корпусом, предназначенным для взятия Хаджибея.

Светлейший знал свои возможности главнокомандующего, и у него не было особых оснований сомневаться в успехе. Не получилось разделиться с де-Рибасом и казаками под Березанью — не беда, получится в другой раз. И он ставит отряд де-Рибаса в самое неопределенное положение.

Это отразилось в переписке. Де-Рибасу остается продолжать играть в «Дурачка», в июле он пишет В. С. Попову: «объясните мне, пожалуйста: нахожусь ли я под началом генерала Гудовича, или нет? Я думаю, что да! И всегда буду доносить ему о том, что до меня касается. Здесь многие думают иначе. И он сам выступает с «сообщениями» и не пишет мне иначе; может быть из вежливости» (Де-Рибас 1879: 402). Де-Рибас, таким образом, не знал, «состоит ли этот отряд в корпусе Гудовича или от него независим» (Дерибас 1990: 1-2).

Известно, что этот отряд под руководством де-Рибаса тщательно готовился к захвату «Гаджибейского гнезда». Сплоченные кровью Березани и рыцарской дружбой, замешанной на неприязни к Потемкину, «казаки любили храброго генерала, не брезговавшего личным участием в их набегах» (Дерибас 1990: 2). Все дальнейшие события это подтверждают: набег Чепеги под Хаджибей после Березани по просьбе де-Рибаса, а также состав его передового отряда, который должен был брать Хаджибей-

скую крепость: он состоял почти только из одних черноморцев под командованием Головатого (Дерибас 1990: 3). Совершенно очевидно, что в Тузлах оказалась едва ли не идеальная «пассионарная» группа. Ее вожак — генерал де-Рибас — 9 августа пишет В. С. Попову: «Я гибну от желания что-нибудь совершить» (Дерибас 1990: 6; 16:403).

Тем временем Светлейший готовился к захвату Хаджибея по-своему. Он «передергивает карты». Формально им были отданы соответствующие распоряжения. 3 сентября Гудович выступил из Очакова со своим корпусом, имея приказ Потемкина атаковать и взять Хаджибей. Эту операцию сухопутных сил было решено провести совместно с флотом. Такой же приказ получил и М. И. Войнович — предусматривалось, что русская Лиманская флотилия у Очакова под его командованием подойдет к Хаджибею и вступит в бой с турецким флотом, крейсировавшим близ крепости. Войнович еще в августе доносил Потемкину: «Располагаем сделать атаку в одно время на море и на земле».

Главнокомандующему, как и всем офицерам, было хорошо известно, что опасность Хаджибейского замка была отнюдь не в силе его стен и гарнизона, а именно в защищенности всей орудийной мощью турецкого флота, курсирующего в Хаджибейской бухте. Поэтому крепость могла быть успешно взята русскими войсками лишь при взаимодействии достаточно крупных контингентов с суши и моря. Срок штурма был назначен — ночь с 13 на 14 сентября. Это был приказ Потемкина — главнокомандующего, и нарушить его было невозможно.

Этот приказ — брать крепость — и получает де-Рибас как командир головного отряда корпуса Гудовича. Получает, естественно, по инстанции, через Гудовича. Однако при этом ос-

новые силы корпуса были почему-то остановлены у Тилигула, и отряд де-Рибаса оказывается один на один с Хаджибеем. При этом, как выясняется, Войнович и не подумал являться в назначенный срок.

Ясно, что военные люди не могут не подчиняться приказу. Но оба — и Гудович, и Войнович — этого не сделали. А приказ де-Рибасу атаковать, отменен при этом не был. Факты именно таковы — и они могут означать только одно: негласную отмену приказа Потемкиным Гудовичу и Войновичу.

Так де-Рибас со своими «спутниками» оказался между Сциллой (турки) и Харибдой (Войновичем и Гудовичем). Лишенный поддержки сухопутных сил и взаимодействующего с ними флота, его головной отряд был обречен на верную смерть под Хаджибейскими стенами — ясно было, что в случае самостоятельной атаки турки его полностью уничтожат.

Это был сильнейший выигрышный «ход» Потемкина в его игре «Ну, что, попался, негодяй!». Понял ли это де-Рибас в туманную ночь с 13 на 14 сентября, сидя со своими казаками в Кривой балке, в четырех верстах от крепости? Получалось, что де-Рибасу приказ никто не отменял, и, если его не выполнить, то он трус и ничтожество, что и требовалось Потемкину доказать. Это позор, которого не пережить. И императрица точно узнает. А выполнить невозможно — потому что это смерть, и его самого, и его отряда. Тот же позор, только посмертный. Для «рыцарей» такое невыносимо (Смольянинов 1852: 120-123).

Выхода не было. И де-Рибас обсудил это с казацкими старшинами. Они принимают единственно возможное в их положении «мужское» решение — нужно было овладеть крепостью одним ударом, чтобы державшийся у берега турецкий флот не успел высадить десант. Таким лишь мог быть ответный «ход» Одиссея в этой игре «Как отсюда выбраться?» — игре без правил: взять крепость неожиданно и молниеносно.

Опустим здесь подробности штурма — они хорошо известны. Маленький «пассионарный» отряд де-Рибаса в густом тумане, обмотав соломой пушечные колеса, а тесаки — паклей, сумел незаметно подкрасться к стенам Хаджибей и почти мгновенно им овладеть. Их заметили с турецкого флота, но было поздно — де-Рибас успел выставить батарею майора Меркеля из 12-ти пушек...

«Свежая» оценка действий других своих «товарищей по оружию» Гудовича и Войновича дана де-Рибасом в письме из захваченного им Хаджибей В. С. Попову от 17 сентября (Де-Рибас 1879: 407). Он сетует на то, что Гудович нарушил свое обещание и своевременно не послал графа Безбородко с отрядом и батареей с 20-ю пушками к маяку. Это имело бы «громное действие; неприятель потерял бы

вдвое судов... но я не знаю, по какому случаю генерал не поспел этого сделать: он был в 13 верстах от меня, когда я начал атаку; он прибыл верхом и когда все было кончено, и его полк на два часа позже. Он наверно думал, что темнота меня устроит, и что я не посмею вступить в бой. Вот мне кажется причина, по которой он не послал свой отряд». Что до Войновича, то «страшно слышать разговоры здешних о гр. Войновиче. Я умалчиваю о своих прежних рапортах, но морской журнал всегда будет говорить... Я печален и очень, несмотря на многие причины быть довольным» (*подчеркнуто нами — А. Д.*).

Действительно, этих причин было немало. Де-Рибасу удалось проскочить между своими Сциллой и Харибдой, он снова блестяще и в совершенно безнадежной ситуации «выиграл» у коварного Посейдона — лишь своим мужеством, отвагой, решительностью. Сложившаяся ситуация была для Потемкина очень унижительной — выигрыш де-Рибаса был очень высоко оценен при дворе. «Это произвело здесь большое впечатление, — пишет мужу Настасия Ивановна. — Государыня говорила мне о вас и о вашей победе, милостиво выражая свое удовольствие. Принц Нассаусский поздравил меня с одержанной вами победой» (цит. по: Дерibas 1990: 18). О подвиге Хаджибей Екатерина немедленно сообщила и в своей переписке барону Гримму. Лично поздравил де-Рибаса и А. В. Суворов. Да и награда за подвиг — орден Владимира 3-й степени, недавно учрежденный самой Екатериной (1782 г.), была очень высокой и почетной — она давалась исключительно за боевые подвиги (Кузнецов 1985: 69-75).

Все это произвело на «рыцаря» и «античного героя» де-Рибаса огромное впечатление. Видимо, он все же не мог рассчитывать, что останется жив. Но — пронесло. И это значит, что для де-Рибаса Хаджибей имел огромное «экзистенциальное» значение. Мы знаем, что победа была немедленно отпразднована по-античному: именно в кофейне грека Симона Аспориди встретил Иосиф де-Рибас утром 14 сентября 1789 г. восход солнца — Солнца своей победы над Хаджибеем. Хаджибей пал между 4 и 5 часами утра. Кофейня была «античной», греческой, офицеры праздновали победу также античными, «лучшим кипрским вином и душистой мастикой» (Дерibas 1990: 110-111). Кофейня находилась на том самом месте, где и был через пять лет совершен обряд основания Одессы.

Если попытаться поставить себя на место де-Рибаса-Одиссея-«победителя», празднующего победу на античный манер, то не покажется невероятной еще одна ассоциация. Известно, что имя «Хаджибей» может переводиться как «спутник великого Хаджи». Одиссей же переводится как «спутник Зевса». Уместно

предположить, что в сознании де-Рибаса (при его владении многими языками) это могло преломиться семантически: Хаджибей и Одиссей — одно и то же имя. Античный Одиссей в знак своей победы над «варваром» Хаджибеем должен увековечить это место и построить здесь город в свою честь¹.

Если сказанное справедливо, то именно ранним утром 14 сентября, при восходе Солнца Его Победы над Хаджибеем, де-Рибас-Одиссей задумывает основать город своей мечты именно здесь — на месте своего «экзистенциального» подвига. И назвать его одновременно и в честь Одиссея, и в честь своей Дамы-Афины. Иначе трудно объяснить его дальнейшее острое желание и настойчивость именно в этом.

Именно здесь, у кофейни Аспориди, и в этот момент, пройдя Сциллу и Харибду и утрев нос самому Посейдону, после совершения «сверхпоступка» Одиссея, де-Рибас мог по-настоя-

щему ощутить «потос» Александра Великого. Его судьба обрела новый «пороговый смысл». У него была «своя» преданная армия — черноморские казаки, перед которой стояла новая «сверхзадача» — выиграть с этой армией войну против Турции. А заодно и расправиться с Потемкиным.

Напомним, что войны с Турцией воспринимались европейским классицизмом как борьба Европы и Азии. Османская империя — это «варварская» Персия, империя Ахеменидов. Измаил же Байрон прямо называл Троей.

Мысленно примеряя «мантию Александра Великого», де-Рибас всем своим новым «потосом» стремится к «новому «аретэ» — он желает со своей казацкой армией отправиться туда, куда совершил свой первый поход юный Александр, — на Дунай и выиграть всю русско-турецкую войну. И делает все от него зависящее для осуществления этого намерения — вплоть до подписания Ясского мира.

Измаильская «Илиада»

Известно, что Потемкин никак не наказал ни Гудовича, ни Войновича, несмотря на их жалкие роли в деле Хаджибея. Отряд де-Рибаса удерживал крепость более 10 дней, не давая турецкому флоту высадить десант. Затем казаки-черноморцы во главе со своими «навархами» — полковниками Чепегой и Головатым под руководством де-Рибаса поднимают на поверхность затопленные турецкие лансоны между Хаджибеем и Очаковым и сами создают Черноморскую гребную флотилию. Потемкин снова посылает ее на смерть — и эта флотилия в октябре 1790 г. совершает очередной подвиг. В устье Сулинского рукава Дуная отряд де-Рибаса, снова под покровом ночи, захватывает турецкие батареи. То же в Килийском рукаве делают черноморцы отряда Головатого. Они снова чудом остаются живы. «Помощь Провидения» — пишет де-Рибас Попову (Де-Рибас 1879: 408). От устьев Дуная «подвиг за подвигом, наводя ужас на турецкие поселения то бомбардировкою, то десантами, истребляя провианты, завоевывая крепости Тульчу, Исаичу и другие, флотилия все ближе подходила к

Измаилу, уничтожила все его прибрежные батареи и защищавшие его с реки турецкие суда и сделала, таким образом, возможным взятие силой, считавшейся до сего неприступной, крепости» (Дерибас 1990: 20).

Де-Рибас хорошо видел эту возможность — он сам ее создал. Видели и другие. «Браво, дорогой генерал, — пишет 14 ноября де-Рибасу князь Репнин, — вы широко продвигаетесь с вашей прекрасной флотилией. Тульча ваша и вы, так сказать, у ворот Измаила! К вам идут, дорогой генерал, как некогда стремились в Афины (подчеркнуто нами — А. Д.). Все хотят сражаться под вашими знаменами и если послушать этих юных и доблестных воинов, которые прибыли к нам из-за границы, то все они отправились бы к вам» (Дерибас 1990: . 21).

Граф Ланжерон, который тогда оказался в числе «этих юных и доблестных воинов», оценивал ситуацию так же: «Смелость предприятия адмирала де-Рибаса, быстрое покорение Тульчи, потом Исаичи, дали основание думать, что попытка взять Измаил может иметь успех». Сражаться под знаменами де-Рибаса мечтали и другие «доблестные юноши» — среди них отметим герцога Ришелье и Франца де-Вола. Последний, как мы знаем, и после Измаила остался органичным соратником и единомышленником де-Рибаса.

«Воспоминания» о штурме Измаила другого из «юных и доблестных воинов», принца Шарля де Линя, помогают нам и сегодня «разогнать туман забвения, что стал его скрывать», — так выразился «Гомер Измаила» Байрон (Байрон 1947). Действительно, седьмая и восьмая песни его «Дон-Жуана» являются подлинной «Илиадой» измаильской эпо-

¹ Такое предположение вероятно — античные ассоциации при наименовании российских городов, видимо, были совершенно произвольными. Ни один российский город, получивший античное имя, не назван в честь своего предшественника по местонахождению. Так, Херсон основан далеко от Херсонеса. То же касается Ольвиополя, Тирасполя и др. Одесса же, по мнению антиковедов XVIII века, была основана на месте древнего Одессоса. Оказалось, что это не так — но таковым было мнение эпохи. Поэтому не столь важно, является ли этимологически верным отождествление Хаджибея и Одиссея. Де-Рибас так считал — и это было для него достаточным основанием.

пеи. И сам Измаил прямо связывается поэтом с Троей-Илионом. Между тем, в отличие от «Илиады», песни поэмы строго документированы и хронологизированы, поскольку основаны на подробнейших «Воспоминаниях» де Линя. В «Дон-Жуане», таким образом, точно воспроизводится событийная канва. Это позволяет «вчувствоваться» в «археологию» событий, в «археологию» поступков всех действующих лиц.

Надо думать, что если вся русская армия и вся Европа ожидали к концу ноября 1790 года взятия Измаила именно де-Рибасом, то это не было тайной и для Потемкина. Способность де-Рибаса совершить этот подвиг уже теперь вряд ли вызвала у него сомнения. Тем более что сам де-Рибас постоянно настаивает на немедленном штурме. Это зафиксировано в многочисленных рапортах генерала на имя Г. А. Потемкина, в письмах В. С. Попову, в воспоминаниях Ришелье, Ланжерона, Рошешуара и того же де Линя. «Потос» де-Рибаса и необычную пассионарность его флотилии отметил Байрон:

«И русский генерал, известный Де Рибас,
Упорно требовал от генералитета
Назначить общий штурм, но получил отказ.
И старцев, и юнцов — всех устрасило это
Но споры излагать не стану я...».

(Дон Жуан, песнь 7, 35).

Отказ был понятен — снова «вчувствуемся» в положение Потемкина. Угробить де-Рибаса никак не удается, мало того, его враг и соперник вплотную приблизился к самому гребню славы. А ведь «слава — выигрыш!» **(песнь 7, 33)**. Если допустить, что де-Рибас возьмет Измаил, то он и выиграет всю войну. Вся слава достанется де-Рибасу, а не ему, Потемкину. Но он находился в безвыходном положении — не только вся армия, но и сама Екатерина требовала «достать мир с турками», а это было невозможно, пока держался Измаил и «вязал руки» наступавшим войскам.

Откладывать далее штурм было невозможно. И князь решил обмануть судьбу.

Известно, что с суши Измаил был блокирован русскими войсками. Их командующие — генералы Самойлов и Потемкин (родственник князя Г. А. Потемкина) полагали, что взять Измаил невозможно. Формально власть де-Рибаса распространялась лишь на флотилию — под Измаилом было три равноправных начальника, власть которых не была объединена. И два из них 26 ноября, по негласному указанию (просьбе?) главнокомандующего, начинают отводить свои войска. Все было сговорено и сделано тихо, по-родственному. Турки не верили своему счастью:

«С восторженным “Алла”, вытягивая шею,
Дивились турки: враг осаду снял, бежит!»
(песнь 7, 42).

Нетрудно представить себе бессильное в этот момент отчаяние де-Рибаса — у него от-

няли самый крупный «выигрыш» — славу! Ведь «известность — как лото, и слава — выигрыш!».

И в этом отчаянии

«... отправил
Рибас к Потемкину курьера. Удалась
Его затея: он все дело так представил,
Что план его вполне одобрил властный князь.
Что адмирал писал, и как в письме лукавил, —
Не знаю...».

(песнь 7, 38).

«Властный князь» сумел обмануть де-Рибаса иначе — снимая осаду с Измаила, он одновременно

«приказ “взять штурмом Измаил”
Любовнику войны — Суворову — вручил!»
(песнь 7, 39)

Это было очень умно и как бы патриотично — нельзя было допустить, чтобы слава взятия самой мощной в то время в Европе крепости досталась иностранцу и казакам. Руководить штурмом должен был только «настоящий» русский генерал. Тем более такой любимый войсками, как А. В. Суворов — это была идеальная кандидатура. Да и де-Рибасу здесь невозможно было возражать — с Суворовым у него были самые добрые отношения. Потемкин «сыграл» блестяще — он противопоставил своему врагу не меньшего, пожалуй, «пассионария». Сила воздействия «пассионарной индукции» Суворова на русскую армию была огромной.

Суворов прибыл под Измаил 2 декабря, лишь за 8 дней до штурма, к которому де-Рибасом уже все было подготовлено.

Штурм Измаила многократно описан исключительно с позиций русского патриотизма. В этом может убедиться каждый, кто обратится к любому учебнику по истории России или СССР или к любой подобной литературе. Можно видеть, что Потемкину все же удалось отнять у де-Рибаса основную долю славы этой победы в глазах потомков.

Но не в глазах очевидцев, участников штурма и современников — они прекрасно знали, что решающую роль в овладении Измаилом сыграли именно де-Рибас с Головатым и возглавляемая ими казацкая гребная флотилия. Очевидно, несмотря на всеобщий массовый героизм русской армии под Измаилом, действие «пассионарной индукции» де-Рибаса, казацких старшин, гренадеров Эммануила оказалось самым высоким. Именно они своим мужеством решили исход штурма в пользу остальной русской армии, действия которой носили, в основном, вспомогательный характер. Самим Суворовым атака русских войск была задумана как отвлекающая. Основную задачу должен был решить флот. Впрочем, войска не должны были об этом знать.

Опустим здесь подробности штурма — его судьбу действительно решил массовый героизм солдат и офицеров. И не стоит ни умалять заслуги Суворова, ни приписывать ему чужие

подвиги. Но крепость была сдана турками именно де-Рибасу, а не Суворову:

«И к Де Рибасу вмиг помчался бей, спеша
Уведомить, что флаг готов спустить паша».

(*песнь 8, 120*).

Такого же мнения был и сам Суворов. «На третий день после штурма, — пишет герцог де Ришелье, участник этой битвы, — генерал Суворов обедал на борту корабля де-Рибаса и высказал ему много комплиментов, приписывая ему, не без основания, наибольшую долю чести этого подвига». И даже в своей военной реляции Суворов официально аттестовал де-Рибаса «как принявшего в штурме Измаила самое большое участие, присутствуя везде, где более надобности требовалось, ободряя мужеством подчиненных, взял великое количество в плен и представил отнятые у неприятеля сто тридцать знамен».

Описывая свою поездку с Пушкиным в Измаил в конце 1821 г., И. П. Липранди замечает, что Пушкин был «очень чуток к подвигу». Подробности штурма Измаила ему были известны очень хорошо. И единственное, что поразило воображение поэта, — то, «каким образом де-Рибас мог со стороны Дуная взобраться на эту каменную стену» (Добролюбский, Добролюбская 1997: 32).

Если посмотреть на изображение первого герба Измаила, то можно увидеть казацкую чайку на волнах Дуная, «кавальер», казацкую саблю и поверженный мусульманский полумесяц. А также знак Георгиевского креста. У составителей герба не было сомнений в том, кто на самом деле взял Измаил: этот подвиг совершили «мальтийские» рыцари — запорожские казаки под командованием де-Рибаса (Добролюбский, Добролюбская 1997: 33) ².

Гнев и милости Афины

Де-Рибас-Одиссей сумел-таки взять свою Трои. Это был очередной «сверхпоступок» и крупнейший психологический «выигрыш». И его Афина это оценила самым высоким образом — ведь императрица знала, кто были главными героями этого штурма. Именно де-Рибас был награжден Георгием 2-й степени и шпагой, осыпанной бриллиантами. Казаки, помимо наград, получили и многочисленные льготы (Скальковский 1994:).

При этом императрица-Афина была очень недовольна князем Таврическим — очевидно, она видела всю историю войны от Очакова до Измаила своими глазами — Екатерина, видимо, имела все основания думать, что де-Рибас был отстранен Потемкиным от головного командования штурмом несправедливо. Поэтому измаильский подвиг де-Рибаса и был ею оценен максимально — ведь орден Георгия мог получить лишь тот, кто, «лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение», или «лично предводительствуя войском, возьмет крепость» (Добролюбский, Челомбитко 1999: 45-46). Не случайно и то, что Суворов в награду за Измаил она произвела лишь в подполковники Преображенского полка — того самого, полковником которого была Екатерина. Ясно, что императрица считала участие Суворова в этом деле «ситуационным». Да Суворов и сам об этом знал.

Судьба Потемкина после Измаила была полностью сломана. Очевидно, «команда де-Рибаса» успешно потрудились и на светском «фронте» — в феврале 1791 года Потемкин был вызван в Петербург, «на ковер». Мы не знаем подробностей царственной выволочки и последующей опалы. Но зато знаем результа-

ты: отставка была решена — за бездарность у Очакова, за подлость под Хаджибеем, за трусость при Измаиле. За все. Стресс его был сильнейший, князь очень переживал свое унижение и поражение — ясно, что этот человек, которому было всего 51 год, не хотел далее жить. Любой врач может подтвердить это, если прочтет письмо канцлера князя А. А. Безбородко, которое он пишет из Ясс графу П. В. Завадовскому. «Склонность его к желчи, при геморроях, раздраженная разными неприятностями, в последнюю его у вас бытность (с 24 февраля по 24 июля — А. Д.), вызвала приступ «молдавской лихорадки», от которой лечиться он не желал — «по обычаю своему, растворяя ночью окна, не воздерживался в пище и не принимал лекарства..., дошел до крайности, исповедовался и причащался...», затем «съел целого гуся и впал в рецидиву. Тут еще более отрекся он от лекарств... по ночам велел лить себе eau de Cologne на голову, опрыскивал себя кропилом с холодной водою и тем мешая всякой транспирации концентрировал весь жар во внутренности своей» (Безбородко 1879: 503-504). 4 октября, отъехав пять верст от станции Резина, он попросил вынести его из коляски и положить на землю. Так он скончался. Снова прокомментируем это словами Байрона:

«От несварения он умер, пищей сладкой
Объевшись — и лежал у придорожных лип,
Стяжав проклятия страны, им разоренной, —
Как саранча, что мрет на ниве обнаженной»

(*песнь 7, 36*)

² Этот герб был «патриотически» подправлен и изменен с 1826 г. — убраны изображения кавальера и казацкой чайки. Вместо них показаны нос корабля на якоре и часть берега. В его описании говорится, что символика герба связана, почему-то, с победой при Кагуле (Винклер П. П. Гербы городов, губерний и посадов Российской империи. — СПб, 1899).

И дополним свидетельством Безбородко: «При вскрытии тела его найдено необычайное разлитие желчи, даже, что части ея, прильнув к неким внутренностям, затвердели... Много он должен казне...».

После смерти Потемкина императрица назначает главнокомандующим друга де-Рибаса, князя Г. С. Волконского. Под его руководством еще в июле 1791 года де-Рибас, возглавляя ка-

валерийскую атаку при Мачине, решает исход этого боя в пользу русских. За Мачин он награждается Афиной орденом Александра Невского (*наверное, Потемкина это добило — А. Д.*). А затем, в составе русской делегации, подписывает Ясский мир. Он выиграл свою войну — совершил суперподвиги, победил своего Посейдона и снискал благодарность Афины и подлинную славу.

На пути к Городу Солнца

Если справедливо предположение, что «Одиссей» — это, в «компаративно-лингвистическом» сознании де-Рибаса, перерожденный (возрожденный) «Хаджибей», то нетрудно себе представить, что замысел основать город с таким античным именем на месте своей победы возник у него именно утром 14 сентября 1789 года, в кофейне Аспориди, на нынешнем углу Ланжероновской и Ришельевской. И он стал к этому готовиться.

«После взятия Хаджибея, де-Рибас оставался в нем еще долго... и не терял напрасно времени; его поразила доброта Хаджибейского рейда, и свои предположения о возможности построения здесь гавани... он подкрепил целым рядом наблюдений и лично сделанных измерений, — пишет А. Дерibas. — Несомненно, что будущий сподвижник его по основанию Одессы, Франц Павлович де-Волан, состоял при нем еще в Хаджибее... По всем вероятностям, работы по измерениям рейда и другие были произведены ими вместе... Во всяком случае, план основания Одессы... был выработан исподволь, систематично, основательно» (Дерibas 1990: 4-6).

Показателем античных пристрастий де-Волана может для нас послужить тот факт, что при строительстве укреплений бывшего турецкого Аджидера (Овидиополя) он в 1795 году случайно наткнулся на древнюю могилу в каменном ящике. И немедленно объявил ее гробницей самого Овидия, о чем, как о сенсационной находке, оповестили мир парижские газеты (Формозов 1986: 106-107). Разумеется, это оказалось ошибкой — впоследствии выяснилось, что захоронение действительно было античным, но совершенно лет за 350 до рождения поэта-изгнанника. Однако факт сам по себе диагностичен — де-Волану очень хотелось найти «античного» Овидия.³

Не менее антично-диагностичным в этом отношении оказывается и первый план Хаджибея-Одессы, составленный де-Воланом зимой-

весной 1794 года. Он свидетельствует, что город был задуман как античный с самого начала. Попытаемся «вчувствоваться» в замысел де-Волана.

В античной ментальности, любые существенные действия, заполняющие человеческую жизнь, — рождение, брак, смерть, основание города, дома или храма, освоение новой территории и т. д. — обладают значением и ценностью не сами по себе, а как повторение мифологического, идеального образца, как воспроизведение некоторого прадействия. И в античной мифологии существует представление об отделении богами тверди от хляби — о выделении организованного упорядоченного пространства из первозданного хаоса как об изначальном акте творения. Овладение новой землей, будь то на основе военного ее захвата, будь то в результате открытия, становилось подлинно реальным в переживании каждого, только если с помощью точно исполненного ритуала в нем обнаруживалось повторение изначального мифологического акта творения.

Так, в частности, объяснялись обряды закладки городов у древних римлян еще в эпоху Ранней империи. Проведя ночь у костра, основатели будущего города втыкали в землю шест (или копье), следя за тем, чтобы он стоял строго вертикально, и когда шест, озаренный первым лучом восходящего солнца, отбрасывал на землю длинную тень, по ней поспешно **проводили плугом борозду**, определявшую направление первой главной улицы — декумануса; к ней выставлялся перпендикуляр, становившийся второй главной улицей — кардином, и у их пересечения возникало ядро города, центр, одновременно деловой, общественный и сакральный. Происходило как бы заклятие неупорядоченной первозданной природы; на ее хаотическую пустоту, повторив первичный акт творения, оказывалась наложенной четкая геометрия порядка и воли.

Мы сегодня знаем, что все эти соображения были органично присущи де-Рибасу и де-Волану — «в тот же день» (*рождения Одессы — А. Д.*) была проведена **первая борозда** для фундаментов городских строений» (Дерibas 1990: 8). Это означает, что основатели города строго соблюдали античные ритуальные действия. Рассмотрим несколько подробнее об-

³ Турецкая крепость Хаджидер (переводится как бедный скиталец) названа Овидиополем теми же де-Рибасом с де-Воланом. Именно Овидий был бедным скитальцем в сознании классицизма того времени. По **мнению** эпохи, он некогда жил именно здесь. Поэтому и де-Волан так тоже **считал**. Он же — автор и первого «античного» плана Овидиополя.

разцы, на которые они были сориентированы.

В Римской империи на бесконечных просторах от Атлантики до Двуречья и Причерноморья возникают одни и те же города, с одной и той же основной, «декуманусной» магистралью, которую в центре пересекает другая магистраль; у их скрещения одна и та же площадь, на которой стоят одни и те же здания: базилика, храм Капитолийской триады, рынок, храм императора. Неподалеку от центральной площади находятся термы, амфитеатр, театр, или цирк — место для зрелищ, тоже носивших сакральный характер. В определенное время там

происходят выборы руководства гражданского коллектива. «Жить по-другому нельзя, жить — это значит быть гражданином, жить — значит жить в полисе, в городе, ценить его и хранить... *Античность — это полис*» (Кнабе 1993: 18).

Несмотря на греческие наименования, новые города в Российской империи, основанные во второй половине XVIII века на отвоеванных территориях, планировались по римским образцам — это наблюдается решительно во всех случаях. Чаще всего это происходило без учета условий местности (Тимофеев 1984: 200) — сетка прямоугольных кварталов, рассеченных

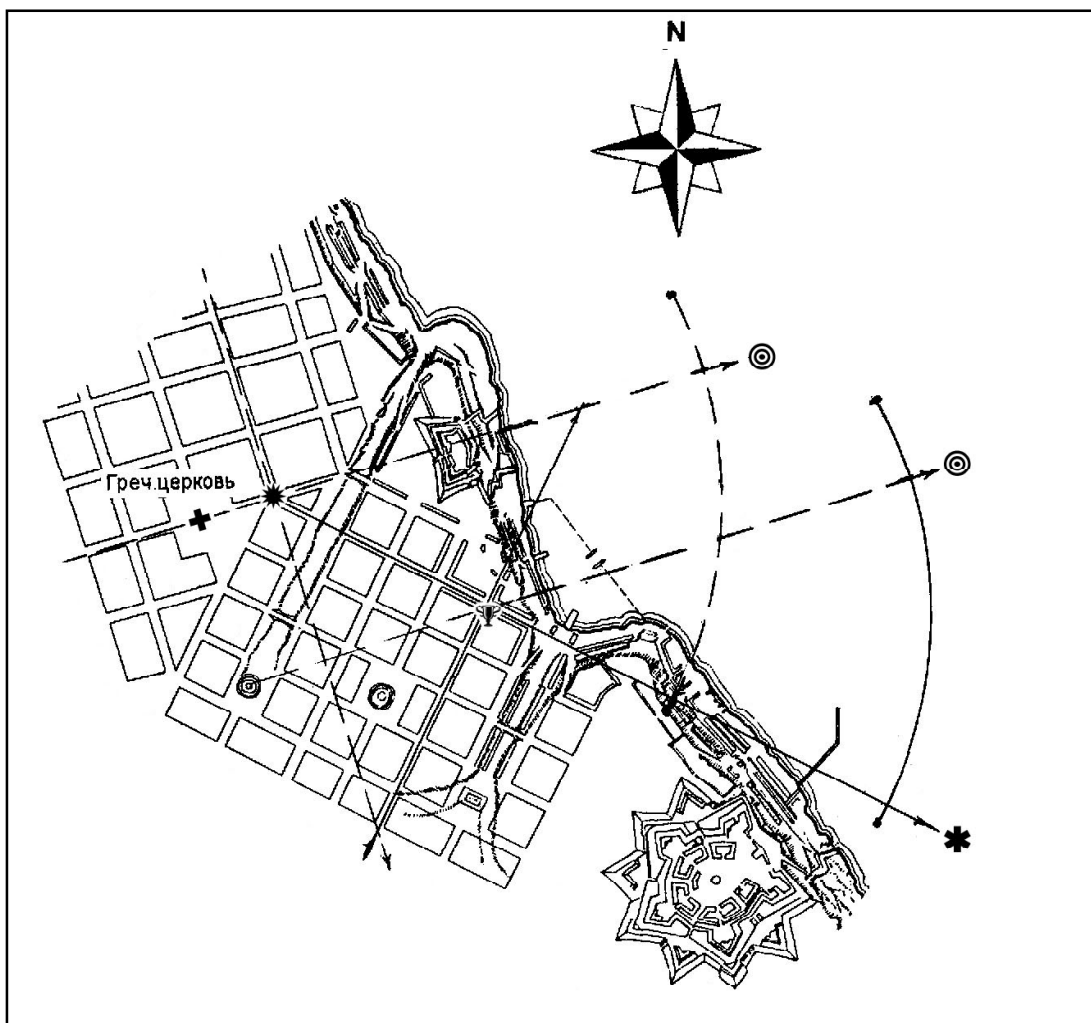


Рис. 3. «План города Гаджибея». Составлен Ф. де-Воланом в январе-феврале 1794 г. Утвержден 27 мая 1794 г.

- * — точка восхода Солнца над Одессой в середине января (азимут 120°).
- ⊙ — точка восхода Солнца над Одессой в день её рождения — 22 августа (азимут 75°).
- ✚ — место археологического обнаружения обряда основания Одессы (сакральный центр — угол Ланжероновской и Ришельевской).
- — — — — линии декумануса и кардана для Военного форштадта.
- - - - - линии декумануса и кардана для Греческого форштадта.
- * — соляренный центр Одессы.
- — — — — диапазон изменений освещения Одессы Солнцем.
- — — — — крайние азимуты от 125° до 55° : из сакрального и соляренного центров.

меридиональными и широтными улицами, механически накладывалась на избранное для города место. Так, при утверждении проекта Вознесенска прямо указано, что «улицы города сего расположены перпендикулярно от севера к югу и от востока к западу». Отклонения от меридиональной ориентировки немногочисленны и допускались лишь в связи с существенными ландшафтными помехами.

Незначительно отклонялись от меридиана и основные улицы Одессы и Овидиополя — городов, проектировавшихся де-Воляном. Попытаемся проникнуться его замыслом первого плана Одессы.

«План города Гаджибея», разработанный де-Воляном и утвержденный Екатериной II 27 мая 1794 г., считается первым основным проектом города. Это эскизная схема, из которой заимствовали размеры кварталов, улиц и принцип композиционного построения (Тимофеев 1984: 150-154). Отклонение от строгой меридиональной ориентировки в литературе объясняется необходимостью использовать естественную параллельность Военной и Карантинной балок и сместить тем самым трассировку ведущих к морю улиц Военного форштадта от строгой оси север-юг. Это, на первый взгляд, кажется очевидным.

Между тем известно, что план составлялся де-Воляном на местности зимой 1794 г. Именно в это время солнце над Одессой восходит с отклонением к юго-востоку. Солнечные лучи в середине зимы идут вдоль улиц, параллельных нынешней Ланжероновской. Азимут восхода солнца, считаемый от точки севера по часовой стрелке, в середине января (по старому стилю) составляет около 120°. ⁴ Это означает, что упомянутый «принцип композиционного построения» оказывается в полном соответствии с описанным древнеримским ритуалом «декумануса» как раз для того времени года, когда составлялся «План...» (рис. 3).

Действительно, на рассматриваемом «Плане...» ряды улиц, параллельные нынешней Ланжероновской, направлены к точке восхода солнца в январе, а потому образуют линии «декумануса» (*decumanus ager* — поле, с которого вносится десятая часть продуктов). Тогда все перпендикулярные улицы (параллельные нынешней Ришельевской) образуют линии «кардина» (*cardinis* — ось, небесный полюс, граница). Изначальное деление Одессы на кварталы и участки, таким образом, восходит к древнейшим римским сельскохозяйственным нормативам распределения земли. «План...», таким образом, доказывает, что римская градостроительная идея в него была заложена еще

на уровне первичного замысла. Не случайно позднее римляне стали называть главную улицу военного лагеря или города термином *decumanus maximus*.

Место совершения обряда Основания Одессы — у кофейни Аспориди — указывает нам на ту точку, которую его участники считали исходным центром — место, где де-Волян с де-Рибасом устанавливали символический шест или копьё. Обряд «маркирует» для нас это место. И, если находиться в этой точке на незастроенной местности при восходе солнца в середине января, то оно встанет над морем, прямо над Карантинной балкой в том месте, где в нее ведет нынешний Ланжероновский спуск.

Этот обряд на месте закладки первого дома Одессы 22 августа 1794 г. (Губарь, Добролюбский 1996: 7-9) был совершен примерно полгода спустя после составления «Плана города Гаджибея», который Одессой еще не назван. Но участники обряда заранее ведут себя как античные «культурные герои», «обустраивающие» будущий город (ритуальное возлияние, закладка монеты, сломанное оружие и т. п.). ⁵

Сказанное позволяет полагать, что первой главной улицей Военного форштадта — декуманусом — была задумана будущая Ланжероновская улица. Тогда кардином становилась будущая Ришельевская. Этим де-Рибас с де-Воляном предопределяли общественный и сакральный центр города. Здесь был заложен первый дом — дом аристократа, князя Г. С. Волконского. И, как известно, первый социокультурный эпицентр будущей Одессы в конце XVIII — начале XIX вв. (дом Ришелье, театр, гостиница Рено, аристократический клуб, коммерческое казино, ресторация Отона, биржа, дворец Ланжерона, плац-парад) образовался именно здесь.

Военная и Карантинная балки используются как спуски из города в порт, с ними же увязана и трассировка «кардинных» и «декуманусных» улиц. Получается, что не одна лишь естественная параллельность балок предопределяла отклонение этой трассировки от строгой линии север-юг, а их изначальная «кардинная» направленность. Это обусловило выбор де-Воляном на побережье залива такого конкретного плато, где планировка оказалась бы в полном соответствии, как с античной градостроительной традицией, так и с условиями местности. Именно плато, ограниченное «кардинно» ориентированными Военной и Карантинной балками, отвечало нужным условиям — лишь на нем можно было оптимально соединить систему прямых улиц с требованиями антично-

⁴ Все азимуты вычислены от точки севера на восток, по часовой стрелке. Максимальное значение азимута восхода Солнца 22 декабря (по новому стилю) — 125°, минимальное, 22 июня — 55° (округление с точностью до одного градуса).

⁵ Точно на этом месте, в кофейне грека Симона Аспориди, встретил Иосиф Де Рибас утром 14 сентября 1789 г. восход солнца — Солнца своей победы над Хаджибеем (азимут 90°). Хаджибей пал между 4 и 5 часами утра. Солнце в этот день всходило точно на востоке (см. выше).

го обряда. Так было выделено основное, «сакральное» ядро будущего города. Его западная, «профанная» часть (Греческий форштадт) проектировалась уже на другом плато, под углом 45° к основной сетке и рассматривалась как периферийная.

Однако и такая планировка Греческого форштадта оказывается не случайной. Если перенести на него «декуманусные» линии, то им будут соответствовать улицы, параллельные нынешней Тираспольской, а «кардинные» — Нежинской. В таком случае азимут восхода солнца составляет около 75°. Такое расположение улиц Греческого форштадта соответствует линии декумануса на 22 августа по старому стилю — день основания Одессы. В этот день солнце восходит ровно под углом в 45° по отношению к плану Военного форштадта, одинаково равномерно освещая, таким образом, его декуманусные и кардинные улицы. Можно видеть, что день торжественной закладки Одессы был избран ее основателями заранее и сознательно, из вполне научных соображений.

Можно видеть и другое — именно в день рождения Одессы «кардинная» ось Греческого форштадта, по замыслу де-Волана, становится солярной осью для всего города, его действительным «небесным полюсом». В таком случае солярный центр Одессы оказывается на стыке Военного и Греческого форштадтов, а точнее — примерно на нынешнем углу Преображенской, Ланжероновской и Херсонской. Солнце всегда встает над морем, диапазон изменений его точек восхода над Одессой составляет 70°. Город, таким образом, расположен самым благоприятным образом для своего самого гармоничного солнечного освещения с учетом всех конкретных условий — местности и времени года. А в день рождения Одессы такое освещение становится едва ли не идеальным.

На солярной, «небесной» оси располагается и задуманная здесь де-Воланом Греческая церковь. Последнее обстоятельствошний раз подчеркивает изначальную античную обусловленность «Плана города Гаджибея»

(Добролюбский, Челомбитько 1999: 6-7).

В дальнейшем полисная идея была модифицирована де-Воланом в планах Одессы 1803, 1809 и 1811 гг. в так называемую «очаговую» или «мегаполисную». Она заключалась в проектировке восьми площадей как будущих самостоятельных очагов экономического и социокультурного притяжения населения строящегося города (Чарнецкий 1997: 46-47). Такие очаги, по мысли де-Волана, при своем стихийном разрастании объединяются в общий мегаполис по единому, «римскому» плану, «как бы постепенно сливающимися крупными пятнами». Эта идея создавала дополнительные резервы жизнеспособности Одессы. Одним из таких запланированных «очагов» была нынешняя Греческая площадь. Возможно, не случайно «круглый дом», находящийся именно на ней, расположен точно на линии восхода солнца в день рождения Одессы.

Трудно сказать, мог ли де-Волан знать при составлении плана зимой 1794 г. задуманное де-Рибасом имя будущего города. Но ясно, что оно могло быть только античным.

Становится объяснимым и выбор конкретной даты основания Одессы. «Надлежало начертанный де-Воланом план города наложить в натуральную величину на пустынную территорию Хаджибея...наметить места для храмов. С благословения Гавриила, в присутствии де-Рибаса и де-Волана, 22-го августа 1794 года было положено основание нашего города» (Дерибас 1990: 7-8).

Удивительно удачная планировка одесских улиц и связанные с этим «комфортные» ощущения одесситов многократно отмечались в литературе. Этим мы обязаны не только высочайшему профессионализму и таланту де-Волана, но и его необычайной культурной чуткости к древнейшим традициям античного градостроения. Своим планом он сумел оптимально обеспечить освещение будущего города Солнцем. План де-Волана оказался, таким образом, совершенным воплощением античного градостроительного замысла де-Рибаса.

Одесса как памятник де-Рибасу, или «археология» имени

В царствование Екатерины создание новых городов на юге России (как и в Римской империи) было самым обычным делом. «Избирался какой-либо пункт местным администратором... писалось об этом в Петербург, откуда шел на его имя указ: *«повелеваем на сем, избранном вами, месте град воздвигнуть»*. Таких городов воздвигалось до десятка ежегодно (Атлас 1992: 26-28). Поэтому кажется удивительным, что градостроительная затея де-Рибаса с де-Воланом рассматривалась их противниками как едва ли не государственное преступление. Но это было именно так. «Никогда еще преступление не поднимало головы так высоко... безнаказанность и дерзость Рибаса дос-

тигли своего апогея». Более всего сопротивлялись сторонники устройства главного порта на Черном море в Очакове. Самыми активными из них были граф Ф. В. Растворчин и вице-адмирал Н. С. Мордвинов — злейшие враги де-Рибаса. Начались бесконечные интриги. Впрочем, Растворчин предвидел свое поражение — «борьба не будет равной», потому что «добродетель и достоинство всегда терпят поражение, когда против них вооружаются интрига и преступление».

Мы знаем, что «вооружившись интригой и преступлением», де-Рибас «выиграл» свою Одессу. Де-Волан пишет об этом: «Приманчивые и корыстолюбивые предупреждения не



Рис. 4. Иосиф Михайлович Де-Рибас.

укоснили возникнуть и, напрягая усилия свои возродить недоверчивость и затмить важное сие предприятие (построение одесского порта), вопияли о невозможности приведения сего в действо; однако твердость духа и усердие тех, на коих возложено руководство к произведению работ, противостояли буре сей, и устройство возымело свое начало 1794 года августа в 22 день» (Лотман 1988: 349).

Можно видеть, что хитроумный де-Рибас и здесь повел себя как Одиссей — формально он добивался лишь устройства порта Хаджибей, а фактически заложил **Город**. Оставалось дать ему желаемое имя.

Последовательность взаимных «подарков» Афины и Одиссея такова. Рескрипт об устройстве в Хаджибее военной гавани с купеческою пристанью был подписан Екатериной 27 мая 1794 г. Эта дата — день свадьбы де-Рибаса. Подписывая рескрипт, императрица тем самым делала ему очередной подарок. Как бы «в ответ», 22 августа де-Рибас закладывает монету с вензелем своей Богини в основание будущего города и, тем самым, посвящает его Ей. Этим же он ставит «памятник» себе, Одиссею. Естественно, что пока этот город никак не назван и продолжает именоваться Хаджибеем. Происходит это на месте, где некогда, по мнению де-Рибаса, был античный Одессос.

Проследим тайное и внезапное появление имени «Одесса». В декабре «вице-адмирал де-Рибас выехал в С.-Петербург, к Высочайшему Ея Императорского Величества двору...и минул первый и последний год жизни города Гаджибей!» (Смолянинов 1852: 531). «В начале 1795 года название Гаджибей исчезает: его место заступает Одесса... Слово «Одесса» встречается в первый раз в заглавии Высочайше утвержденного 10-го Января 1795 года штата запасного соляного магазина...В другой раз город Одесса упомянут в указе 27-го Января 1795 года об учреждении Вознесенской губернии. На основании этого указа в состав новой губернии входили двенадцать уездов с 12-ю окружными и 7-ю приписными городами. Между приписными упомянут и «город Одесса, татарами Гаджибей именованный», приписанный к Тираспольскому округу»

(Смолянинов 1852: 532).

Вот и вся тайна. Де-Рибас специально приехал в Петербург, чтобы договориться с императрицей о новом имени Хаджибея. Екатерина сделала де-Рибасу высший и тайный подарок — позволила ему назвать новый город своим античным именем, освятив его своей «женской» сущностью и покровительством. Никакого специального указа о названии города в таких условиях и быть не могло — это было замаскировано другим «указом» — о соляном магазине.

Трудно себе представить, чтобы штат «запасного соляного магазина» требовал именно Высочайшего утверждения! Не менее трудно представить, чтобы имя «Одесса» после **Такого Утверждения** могло бы в России кем-то оспариваться. И это имя, данное явочным порядком, было закреплено в следующем указе — от 27 января — как факт, который уже далее не обсуждается. Он и не обсуждался. И, чтобы у де-Рибаса в дальнейшем было поменьше неприятностей с Растопчиным, Мордвиновым и др., императрица подчинила его непосредственно своему последнему любимцу — Плутону Зубову, тогда екатеринославскому, таврическому и вознесенскому генерал-губернатору. А также «подарила» своему Одиссею на развитие новорожденной Одессы 712 тыс. рублей (по утверждениям Ф. В. Растопчина — 1 миллион 200 тыс.).

Трудно не восхититься — придумано все очень остроумно: Одесса началась с шутки и розыгрыша. Афина с Одиссеем развлекались и снова всех провели. Никто ничего не понял. Завистникам оставалось только брюзжать, что де-Рибас «обманным образом вынудил у престарелой государыни согласие на построение никому не нужного города» (Атлас 1992: 23). Императрица с де-Рибасом обхитрили и современников, и потомков — они тайно поставили памятник в лице Одессы самим себе. В этом и есть **смысл** их поступка.

Смысл основания Одессы де-Рибас «обозначил» и другой существенной для себя символикой: дата на монете — 1784 год — не случайно, отстояла от даты закладки ровно на **10 лет**. Это — срок **странствий Одиссея**, после которых он вернулся домой. Так и де-Рибас, основав свою Одессу, закончил свою военную эпопею и **«вернулся домой»** — в знак этого он уложил оружие (кинжал) в закладную траншею дома своего боевого друга князя Волконского, с которым вместе выиграл свою последнюю битву при Мачине ⁶.

⁶ В первом гербе Одессы, Высочайше утвержденном 22 апреля 1798 г., при жизни де-Рибаса, обозначена также и существенная для него «мальтийская» символика. В верхней части, под разветвлением шеи орла, видны «ласточкины хвосты» подарка Екатерины — ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Винклер 1899: 109).

После смерти Екатерины в ноябре 1796 года Одессу у де-Рибаса отняли. Его жизнь без любимой государыни, без любимого «игрового» партнера во многом утратила вкус, стала пресной. Остаток своих лет он проводит в Петербурге, вынужденный терпеть унижения и бесконечные капризы императора Павла. Возможно, не случайно, оставшись без покровительства своей Афины, он утрачивает свой «потос» и погибает через четыре года, запутавшись в собственных интригах.

Одесса за эти годы без де-Рибаса тоже чуть было не погибла. Но ее спасли и поставили на ноги наследники де-Рибаса — Ришелье и Ланжерон — продолжатели его дела. Они сумели воплотить его мечту в жизнь. Поэтому Одесса оказалась лучшим «выигрышем» де-Рибаса — она самим своим существованием «обес-

мертила» его имя. Наверное, также не случайно Провидение позаботилось о том, чтобы мы через двести лет нашли остатки его тайного, «археологического» замысла. Ведь образ Одиссея и в нашем сознании — это символ тайны, надежды и выживания культуры вопреки всем испытаниям, выпавшим на ее долю в XX столетии.

...Историческая память причудлива. У постаamenta памятника Екатерине бронзовые фигуры де-Рибаса и Потемкина были поставлены рядом, в одной компании с Зубовым и де-Воланом. В такой же компании они остались и в дворике Одесского историко-краеведческого музея. Быть может, с «высшей» точки зрения это и справедливо. Ведь Потемкин своими руками «создал» именно «такого» де-Рибаса, который сумел основать именно «такую» Одессу.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас Д. Г. 1992. Старая Одесса, ее друзья и недруги. Одесса.
- Байрон Д. 1947. Дон Жуан. М.
- Безбородко 1879 — Письмо канцлера А.А.Безбородко графу П. В. Завадовскому // ЗООИД. Т. 11. Одесса, 1879. С. 503-504.
- Берн Э. 1992. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб. Лениздат.
- Винклер П. П. 1899. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. СПб.
- Горбатько А. И., Глазырин В. Л. 1994. Юная Одесса в портретах ее создателей. Одесса.
- Грейвс Р. 1992. Мифы Древней Греции. М.
- Губарь О. И., Добролюбский А. О. 1996. Ритуал основания Одессы // Роль музеев в развитии исторического краеведения в городе Одессе и крае. Одесса.
- Гумилев Л. Н. 1990. Этногенез и биосфера Земли. Л.
- Дерибас А. М. 1990. Старая Одесса. Одесса.
- Добролюбский А. О., Добролюбская Ю. А. 1997. О «мальтийской» ментальности черноморских казаков // Запорозьке козацтво в пам' ятках історії та культури. Секція III-V. — Запоріжжя. С. 28-33.
- Добролюбский А. О., Челомбитко А. П. 1999. Город Солнца // Ланжерон. Июль. Одесса. С. 6-7.
- Кнабе Г. С. 1993. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.
- Кузнецов А. А. 1985. Ордена и медали России. М.
- Кузнецов К. Г. 1991. Герменевтика и гуманитарное познание. М.
- Лотман Ю. М. 1988. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — М.
- Письма 1872 — Письма генерал-майора О. М. де-Рибаса князю Потемкину-Таврическому // ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872. С. 230-238.
- Письма 1879 — Письма адмирала Иосифа Михайловича де Рибаса правителю канцелярии фельдмаршала князя Потемкина-Таврического // ЗООИД. Т. 11. Одесса, 1879. С. 378-436.
- Скальковський А. О. 1994. Історія Нової Сечі. Дніпропетровськ.
- Смолянинов К. 1852. История Одессы // ЗООИД. Т. 4. Одесса. С. 338-442.
- Тахо-Годи А. А. 1969. Греческая мифология. М.
- Тимофеев В. И. 1984. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев.
- Ткачук М. Е. 1996. Археология свободы. Кишинев.
- Феденев Р. К. 1993. Де Рибас. Одесса.
- Формозов А. А. 1986. Страницы истории русской археологии. М.
- Хейзинга Й. 1992. Homo ludens. М.
- Чарнецкий В. А. 1997. Загадка Деволана // Одесса. №11-12.
- Шахермайер Ф. 1984. Александр Македонский. М.